

Неисповедимые Пути

Ингвард Спевиков

Неисповедимые Пути

«Автор»

2026

Спеваков И.

Неисповедимые Пути / И. Спеваков — «Автор», 2026

Когда абсурд становится зеркалом реальности? Бывает так, что литературное произведение, начинающееся как анекдот, но потом незаметно перерастает в притчу. Именно это происходит с романом «Неисповедимые пути» — текстом, который балансирует на грани гротеска и философского размышления, заставляя читателя сначала смеяться, потом задуматься, а под конец — испытать нечто похожее на катарсис.

© Спеваков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ингвард Спевиков

Неисповедимые Пути

Глава

Часть первая. Рождение бури.

Глава 1

Армейский быт.

В войсковой части пять, четыре, три, тире один, жизнь текла неспешно, размеренно, вяло.

Офицеры пили, прапора воровали, караульные спали. В санчасти как в элитном санатории, мирно и комфортно, доживали свой уставной век, дембеля, досрочно считая себя гражданскими. Срочники, махая лопатами и мётлами, убедительно создавая видимость непобедимой армии сверхдержавы. Ну, а над всем этим благолепием надзирал командир части, полковник Евстафьев Фёдор Георгиевич.

Кординально, жизнь в части менялась только когда по специальному каналу связи и достаточно заблаговременно, докладывали о приезде комиссии.

Командование в срочном порядке, из числа офицеров, создавало диверсионное подразделение, в задачу которого входило: презентация розовых очков для особо пристальных, и подарочная лапша для тех, кто считает, что лучше один раз услышать, чем сто раз увидеть. Для остальных же, кто не подподал под первые две категории, действовало снятие ограничения сухого закона. Так же на протяжении всего периода пребывания комиссии, велась работа по сбору компромата. Ну так, на всякий случай.

Офицеры для данной спецоперации отбирались из числа людей одарённых особыми талантами. К числу талантов можно было отнести: умение пить не пьянея, прекрасная память, мнимое простодушие и сговорчивость, неприкрытое раболепство, и конечно же, как залог успеха, беспрекословная верность своему командиру.

Но в этот раз, беда пришла - откуда никто не ждал.

Глава 2

ЧП.

В коптёрку вбежал перепуганный дневальный.

- Товарищ прапорщик, разрешите войти?
- Ты уже вошёл.
- Вас срочно к командиру части.
- Отставить, выйди и войди как положено.
- Дневальный тут же выскочил, постучался, и заскочил обратно.
- Товарищ прапорщик, разрешите доложить?

- Не разрешаю. Вначале нужно спросить разрешение войти. А уж потом доклад, неси устав.

- Вас срочно к командиру части! Не унимался дневальный.

Прапорщик устало оторвал глаза от кроссворда.

- Ты чего мозги мне пудришь, сразу не мог сказать!

- Так я вроде как и...

- Чего и? При чем здесь и? Ты чё в алфавит со мной играешь?

Дневальный сжался, побледнел и растаял, как прошлогодний снег.

Пришлось в срочном порядке отложить неотложные дела.

Убрав в сейф sudoku с кроссвордами, и несколько журналов с вульгарными девицами, прапорщик Приходько неспешно направился в штаб.

Хвостом чую, размышлял он, не просто так батя взбеленился. Точно враг у ворот. Прапорщик обвёл глазами часть. Слишком всё спокойно, а это явно дурной знак, попрытались по норам шакальё. А мне опять в выгребную яму лезть, нашли козла в погонах.

- Товарищи офицеры! - начал свою речь командир. В части произошло ЧП. Украдено полковое знамя.

В принципе полковник Евстафьев мог и не открывать рта. Красноречивый взгляд испепеляя всё и выгрызая каждого, говорил сам за себя.

- Согласно положению внутреннего устава, продолжал он, раздел: Боевое Знамя воинской части пункт 5 русским по белому написано:

При утрате Боевого Знамени, командир воинской части и военнослужащие, непосредственно виновные в таком позоре, подлежат суду, а воинская часть – расформированию. Вы понимаете, что вас всех ждёт? Трибунал! Мать вашу! Все пойдёте под трибунал!

Глаза полковника уставились на прапорщика Приходьку. Больше в кабинете никого не было.

- Ну, как речь? Спросил полковник.

Прапорщик молчал.

- Дмитрий Иванович, ты здесь? настороженно поинтересовался командир.

- В ментальной плоскости. Ответил Приходько.

- Это ты чего сейчас такое сказал?

- Я говорю речь хорошая, но не прокатит.

- Почему не прокатит? Удивился Евстафьев.

- Ну посуди сам Георгиевич, ведь всем только на руку, чтобы часть прикрыли. Сейчас не 82-ой, когда все под Андроповым ходили, а 93-ий. В стране безпредел, в армии бардак. Нач.фин. давно с банкирами мутит, к бензину начальника парка вся администрация присосавшись, начальник продсклада с рыночниками. Тебе продолжить список, кто у нас тут чем занимается? В котельной мазут перепро...тут прапорщик осёкся, и украдкой взглянул на командира. Командир недовольно хмыкнул. Я это к тому, быстро поправился он, что тебе и самому это на руку, для всех лучше, чтобы часть расформировали. Пойми Георгиевич, без обид, ну невозможно чтоб всегда везло, рано или поздно, но всё равно попались бы. Сколько верёвочке не виться, а петелькой на чьей-то шее, рано или поздно она затянется. Поэтому речь хорошая, продолжал прапорщик, но бесперспективная.

Да и тебе то чего грустить, ты на пенсии, рыбалка, баня, шуры-муры, там всякие.

- Да я и сам всё понимаю, уныло произнес Евстафьев, пришло значит время.

- Пришло, глубокомысленно закончил Приходько.

- Кстати, а сам то чем займёшься, спросил вдруг командир?

- Да так, туда сюда, неопределённо ответил прапор.

- Не скрытничай, Дмитриевич, выкладывай.

- Да понимаешь, сам не понимаю.

- Ну, что тут не понятного, по-моему всё предельно ясно. А по подробней?

- Ну слушай. Месяц назад, приходит мне письмо из Латвии, мол, дядька у меня там какой-то объявился, ну и зовёт меня к себе.

- Зачем?

- Ну он, одной ногой уже за линией фронта, а из наследников только я.

- Муть какая-то. А откуда он узнал где ты служишь? Откуда он вообще тебя знает, если ты о нем впервые слышишь?

- То что я о нем впервые слышу, это ещё не значит, что я его не знаю.

- Ну это то понято. А по конкретней.

Приходько глубоко вздохнул, потом махнул рукой и сникшим голосом произнёс:

- Он тоже военный, и служит в НАТО. Это брат моей матери, сам понимаешь, чем такое родство чревато. Устал я по саунам нашего особиста водить.

- Так значит это близкий родственник?

- Георгиевич, ну ты прямо как наш особист, без мыла в баню лезешь. Пока мать была жива, он к нам каждый год с сыном приезжал. Мы также бывали у них, хотя и реже чем он. Ну а потом не стало матери, да и Союз затрещал по швам, и как-то куда-то всё развалилось...

-Так погоди, а как же ты можешь быть наследником, если у него есть сын?

-Сын у него тоже в НАТО, дома не бывает, катается по миру, в военных конфликтах участвует. Так что, нужен человек который был бы рядом. Забота и уход.

- Ну понятно, сказал Евстафьев. Теперь всё встало на свои места.

- Вот по этому, всем нам так необходимо, это происшествие, понимаешь? Кстати, а кто знамя то украл?

На этот раз поник командир.

- Как говорить, чем меньше знаешь...

- Тем умнее выглядишь, перебил Евстафьева Приходько, а в армии умных не любят, поэтому не томи.

- Георгиевич открыл было рот, но тут в кабинет постучались.

Дверь приоткрылась, и кто то доложил.

- Товарищ полковник, мазут привезли.

Приходько многозначительно взглянул на командира. Командир покраснел, и, раздражённо гаркнул:

- Сейчас иду.

Оба встали, пристально посмотрели в глаза друг другу, и крепко пожали руки. В глазах Евстафьева читалось объявление благодарности за службу, и просто большое человеческое спасибо. Прапорщик всегда приходил на выручку в трудную минуту. И не когда не задумывался о последствиях и своей выгоде. Да и командир не раз прекрывал его, рискуя своей должностью и званием.

У обоих в горле стоял ком. Из кабинета вышли молча.

После расформирования части, младший офицерский состав и мелкое жульё, разбежались по силовым структурам: милицию и частную охрану. Крупные жулики ушли в администрацию, политику и бизнес. Командир части, отправился на заслуженный отдых.

Прапорщик Приходько решил исполнить последний долг. И отправился в Латвию, теперь уже, чужую страну.

Поместье Морэвилс.

Тихое и неприметное местечко Морэвилс, ничем не прославилось за время своего существования. Находилось оно на мысе Домеснес, и круглый год продувалось ветрами. Пустынно, сыро, безлюдно.

Жилых построек было не больше десяти, и все они были удалены друг от друга на расстоянии выстрела.

Старое поместье, на побережье Балтийского моря, давно пришло в упадок.

Особняк, в котором когда-то жил известный английский аристократ, утратил былое величие и красоту. Краска на фасаде здания облупилась, черепица на крыше потемнела и полопалась.

В настоящее время эти уголья принадлежали графу Чарльзу Брайтону, человеку строгих консервативных взглядов. Его дед был родом из графства Вустершир.

Во время первой мировой, где-то в конце 1918 года, недалеко от мыса, подрывался на mine английский крейсер. На нём служил отец деда. Не в силах разорвать связь со своим отцом, трагически погибшим в Балтийских водах, дед обосновался в Морэвилсе. Будучи человеком состоятельным и предприимчивым, он не только взял с собой свою жену и сына, но и всю свою прислугу. В скором времени в Морэвилсе были построены две молочные фермы, свиноводник, фельдшерский пункт и лесопилка. Местные жители признали благодетеля, давшего им работу и неплохой заработок. Но потом началась череда трагических событий. В конце тридцатых от менингита умирает его жена. Погибает сын, в легендарной "высадке в Нормандии" во время Второй Мировой, оставив вдовой беременную жену. Но и та не захотела надолго разлучаться со своим мужем, и умерла при родах. И дед остался один с внуком. Воспитывал он его по самым строгим эталонам английского дворянства.

Проводимая Советским Союзом экспроприация, ознаменовала собой, начало конца всем стараниям деда, а

последующая коллективизация свела на нет и усилия его внука.

Отношение у местного населения к новой власти было такое же, как у Дмитрия Донского к татаро-монголам.

Граф уже собирался возвращаться на историческую родину, но тут заболела его жена и единственная дочь. Седьмая пандемия холеры унесла их жизни, и граф по примеру своего деда остался доживать свой век на земле вечных ветров.

Глава 4

Не старый старик.

Единственный звук, который можно было услышать в старом особняке, это ритмичная работа маятника больших напольных часов Grandfather Clock. Граф не выносил шума, поэтому в доме всегда стояла гробовая тишина. Но были и другие времена, когда дом был наполнен детским смехом, встречами с друзьями и родственниками, романтическими вечерами с любимой супругой.

После ухода из жизни жены Анны и дочери Мери, всё стало увядать, таять, рассыпаться. Теперь особняк, медленно превращался в склеп. Жизнь теплилась в лице всего трёх человек: самого графа, горничной, исполнявшей работу кухарки, и дворецкого.

Но английский быт, в своих лучших традициях, по прежнему оставался неизменен.

В комнату беззвучно вошёл слуга.

- Сэр, прикажете подавать ланч?

- Да Артур, скажи Илве, пусть накрывает.

- Да, сэр. Слуга поклонился, и не поворачиваясь спиной, бесшумно вышел.

Старый граф поднялся с кресла и прошёлся по комнате. На самом деле он не был старым. Всего шестдесят два года. Старил он себя сам. Устав от жизни, людей и событий, он всё чаще удалялся от мира, возвращаясь в прошлое своей юности. Вот и сейчас он стоял напротив фотографии своей жены и дочери. С годами боль утраты только усилилась, время не хотело лечить горечь одиночества. И граф ждал, ждал то, о чём другие боятся даже помыслить.

Снова появился слуга.

- Прошу к столу, сэр.

В гостиной, в черном длинном платье и белом фартуке стояла Илве. Не говоря ни слова, она подала две салфетки. Одну граф положил на колени, другую одним концом заправил под ворот рубашки. Одет он был в костюм тройку. Граф всегда ходил в костюме.

- Артур, после ланча я буду на террасе, принесите туда прессу.

- Да, сэр.

- Вы можете идти.

Горничная и дворецкий поклонились и молча вышли.

После ланча, на столе террасы его уже ждали горячий кофе и свежие газеты.

Сев в мягкое кресло, граф закурил.

Вошёл слуга.

- Сэр, сегодня прохладно, Илве передала вам плед, - слуга подошёл и бережно накрыл колени графа.

- Спасибо Артур. Надвигается буря, произнёс он.

- Будет шторм, сэр?

- Буря надвигается не со стороны моря. Ты свободен Артур.

Слуга поклонился и молча вышел.

- Я это чувствую. Произнёс граф, погружённый весь в себя. Я всегда всё чувствую...

Глава 5

Прибытие.

Поезд прибыл точно по расписанию. Графство Морэсвилса переименованное в поместье, находилось на территории

Слитерского национального парка. Недалеко от поселка Саунагс. Но от станции до конечного пункта назначения надо было ещё добратся.

Места там были нелюдимиые, и потому, транспортная система туда организована была плохо. И зачем только дядька уехал из Риги в эту дыру?, недоумевал Приходько.

Спрыгнув с подножки прибывшего поезда, он осмотрелся.

- Уныло и сыро, тихо произнес прапор, это хороший знак. Почему знак был хороший, не знал даже он, наверно просто хотелось немного преободрить себя.

Платформу вокзала и без того чистую подметал привокзальный дворник. Движения были отточенными и методичными, складывалось такое впечатление, что в руках дворника роботизированная метла, а он просто за неё держишься. Взгляд его, мертвой хваткой вцепился во вновь прибывшего.

- Уважаемый, не подскажите как проехать до Морэсвилса? Спросил Приходько.

При русских словах внутри дворника сжалась невидимая пружина, щёлкнул потайной механизм, и челюсти сомкнулись навсегда. Метла тоже остановилась. Ситуация походила на историю дуэлей дикого запада. Два ковбоя, стоят на против друг друга, боясь пошевелиться, любой звук или движение и раздастся смертельный выстрел.

- Понимаю, сказал Приходько. Чужаков нигде не любят.

Не чужаков, а русских, прочитал прапорщик бегущую строку в глазах дворника.

- Ну, что же, и на том спасибо, дядя, с нескрываемым раздражением сказал Приходько и двинулся к дверям вокзала.

Метла снова заработала, а вместе с ней и дворник.

Внутри вокзал поражал своей безупречной чистотой и порядком.

Армейский порядок даже вокзалу к лицу, заключил Приходько. Эх, столько раз бывал в Латвии, а язык так и не подучил, а ведь теперь на территории неприятели нахожусь. СССРа больше нет. Ну да ладно, где наша не пропадала? А если быть честным, то везде куда не сунь пропадала, размышлял он. Не можем мы жить по человечески. Сразу начинаем налаживать свой быт: воровство, пьянство и разбитые дороги. Но нам это на руку. Эффективная методика по разложению местного населения, его устоев, а главное дорог. Жаль только, что эту методику мы постоянно на себе применяем.

Подойдя к кассе Приходько нагнулся и заглянул в глаза кассирше. Бегущая строка молчала.

- Милая, подскажи пожалуйста...

После этих слов в глаза кассирши кто-то плеснул цемента, и они тут-же окаменели.

Я приехал к вам в командировку, соврал Приходько, направляюсь в Подразделение специального назначения, на вокзале меня должны были встретить, но я задержался в штабе Рижского округа, и прибыл с опозданием, вы не подска...

- Позвоните им, перебила кассирша. Телефон подать?

Проворная тётка, подумал прапорщик, её бы в военкомат засунуть, ни один бы призывник не отвертелся от армии.

- Спасибо дорогуша, какнибудь сам.

Дама с каменными глазами ехидно ухмыльнулась.

А ведь это только начало, подумал Приходько. Для снятия стресса на свете существовало много средств, но прапорщик знал только одно. Нужно накатить, и желательно побыстрее. Выйдя с другой стороны вокзала, он оказался на площади, во круг которой раскинулись палаточные ларьки. Бижутерия, шмутьё и сувениры.

Приходько недовольно сморкнулся на асфальт, чем вызвал неодобрительные взгляды палаточников, и деловито зашагал в дальний край площади. Интуиция подсказывала, что значное место должно находится именно там. И действительно, возле небольшой аллеи со скамейками, возвышалось здание с вывеской РАР, что такое РАР прапорщик не знал, но интуитивно чувствовал, что он у цели. Зайдя внутрь Приходько довольно улыбнулся. РАР оказался именно тем местом где и снимают стресс. В рюмочной было пусто и мрачно. Бармен скусающим взглядом оценивал вновь прибывшего.

- Но это и к лучшему, произнёс прапорщик.

Бармена передёрнуло.

- Что, простите? Настороженно поинтересовался он на ломанном русском.

- Что никого нет. Ответил Приходько. Налейка мне брат, чего-нибудь хорошего но не дорогого.

- Джек Дениелс, четыре лата.
- Это сколько на рубли?
- Четыре тысячи рублей.
- Это же две бутылки водки по ноль пять.
- Четыре лата за пятьдесят грамм.

Приходько чуть не расплакался от обиды.

- За стопку твоей бурды я должен отдать как за литр водки? А чегонибудь попроще есть?

Бармен внимательно посмотрел на прапорщика.

- Сейчас, ответил он, и скрылся в подсобке. Появился он минуты через три, держа в руках бутылку без этикетки.

- Это местный портвейн. Я продам его за семьдесят сантимов. Но с условием.
- И с каким же? С недоверием в голосе поинтересовался Приходько.
- Распивать вы будете не здесь.
- А где же? Раздражённо спросил прапорщик.
- Где хотите, но не здесь, повторил бармен.

Внутри у прапорщика всё кипело.

- И закуски продай, огрызнулся он, вон ту колбасу.

- Это ливер.

- И что с того, он что не съедобный или у него ценник как за десять бутылок водки?

- Вы будете закусывать вино ливерной колбасой? Недоумевал бармен.

- Просто продай колбасу, скрипя зубами процедил Приходько.

Бармен завернул бутылку в бумажный пакет и отдал колбасу.

- Две тысячи рублей хватит?

- Хватит. Прощайте.

Я тебя запомнил, сверкнул глазами Приходько, и вышел за дверь.

Расположившись на одной из скамеек аллеи прапорщик достал из бумажного пакета бутылку, а из подсумника складной нож. Пакет постелил на скамейку и нарезал на нем колбасу. Бутылка была запечатана корковой пробкой. Вцепившись в неё зубами, он не без труда выдернул её. Трижды пломбированный зуб напомнил о себе точечной болью в виске. Выплюнув пробку, прапорщик присосался к поилу, как умирающий в пустыне. Отпив треть, и быстро закусив колбасой, он перевел дух. Зелёный змий начал просыпаться.

- Сивушный перебродивший компот, заключил Приходько. Он сам то пробовал эту муть? Ну ни чего, я ещё вернусь. Сейчас допью и вернусь. Вот тогда и похорошем.

Через пару минут, похорошела.

Светило яркое осеннее солнце. Правда оно было за непробиваемой толщей серых облаков, но прапорщик их уже не видел, настроение улучшалось в геометрической прогрессии.

Дорезав остатки колбасы Приходько поднял голову и замер. Напротив него стояли, два полицейских. Один лет тридцати в звании лейтенанта, другой совсем юный, с формой без отличительных знаков, скорей всего стажёр. Тот что постарше смотрел холодно, но не враждебно. Молодой, с недоумением.

Началось подумал прапорщик.

- Alkohola lietošana sabiedriskās vietās ir aizliegta.

- Чего?

- Распитие спиртных напитков в общественных местах запрещено. Заверните бутылку в пакет, и уберите колбасу со скамейки, пожалуйста. Вежливо попросил полицейский.

- А в чем собственно дело? Я сажу, никого не трогаю, можно сказать культурно отдыхаю, это что, преступление?

- Культурно отдыхают в музее, сказал стажёр.
- По вашей форме я вижу, что вы Российский военный, сказал лейтенант . Прежде чем отправляться в европейскую страну...

- Ничего себе, перебил Приходько, ещё вчера были свои и уже Европа, когда успели?
- Два года назад, ответил спокойно полицейский.

Зелёный змий оживился. Прапорщик и сам понимал, что ни к чему хорошему эта бравада привести не может, но остановится уже не мог.

- Да ты знаешь с кем ты разговариваешь, сопляк? Я таких как ты, перевидал...

- У меня отец служил в советских войсках, перебил полицейский. Мне с детства знаком армейский быт.

Приходько моментально переменился в лице. Змий впал в спячку.

- Закон и порядок на то и существуют чтоб их соблюдать, и кто, как не военные должны подавать пример в этом. Заключил прапорщик.

Он поднял пробку с земли и закупорив бутылку, завернул её в пакет из под колбасы. Саму же колбасу чтоб не пачкать подсумок, с досадой пришлось смахнуть в урну.

- А где батя то служил, по отцовски спросил прапор?

- 76-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, зам.начальника управления. Полковник в отставке. После развала СССР вернулся к себе на родину. Так здесь и живём.

- Значит ВДВшник, наверно и в фонтане по молодости купался.

- В каком фонтане?

- Традиция такая. В Москве, второго августа, со всей страны слетаются ВДВшники, и приводняются в фонтан, в парке Горького.

- Да, припоминаю, отец что-то рассказывал об этой странности.

- Хороший ты парень, я это сразу понял. Заключил Приходько. Ребята, может вы мне подскажите, как до Морэсвилса добраться?

- На рейсовом автобусе, Талси - Яунциемс, через каждый час ходит, остановка за площадью. В Яумциесе пересядьте на маршрутное такси до села Саунагс. А там рядом и поместье ваше.

- Отличного парня воспитал твой батя, это потому, что он советским человеком был. Ладно, передавай ему привет от Советского прапорщика.

- Отец умер в прошлом году.

- Прими мои соболезнования. А у меня тоже можно сказать траур, дядька присмерти. Еду прощаться.

- Счастливо добраться, пожелал полицейский.

- Вот видишь что получается, когда поговоришь по человечески, сказал он молодому, когда они отошли от скамейки. А стали бы спорить и намучились бы с этим бузатёром.

Стажёр одобрительно закивал.

На душе у Приходько скребли кошки, противно как то стало от себя. Зачем начал права качать? Кому это надо было? Одним словом бес попутал.

До остановки оставалось несколько метров. В одной руке он нёс чемодан, в другой бутылку в пакете. Через плечо висел подсумок. Рядом с остановкой стояла урна.

Прапорщик протянул руку чтоб выбросить бутылку. Но зелёный змий открыл один глаз, и хитрым прищуром заглянул в сердце прапорщика. Рука конвульсивно сжала бутылку.

Спустившись по железной лестнице, двое в армейской форме подошли к железной двери.

Один из военных нажал на кнопку коммутатора и повернул голову в сторону видеокамеры.

- Открыть блок Б1.

Щёлкнул электронный замок и дверь открылась. Длинная вереница камер раскинулась вдоль ярко освещённого коридора.

Второй военный двинулся дальше и остановился у камеры.

- Открыть камеру 237.

Решётка отъехала в сторону.

- На выход, на выходе - направо лицом к стене, скомандовал человек в форме. Из камеры шатаясь вышел заключённый и прислонился лицом к стене.

- Прямо по коридору.

Еле передвигая ноги, человек пошёл по коридору.

- Лицом к стене.

Заключённый остановился и повернулся к стене.

- Открыть блок Б1 сказал в коммутатор другой.

- Щёлкнул замок и дверь открылась.

- Ну здравствуй Дима. Ну и накуралесил же ты.

- Здравствуй дядя Саша, обречённо выдавил прапорщик Приходько.

Глава 6

Кароста.

Есть люди, которым по жизни везёт как утопленнику, прапорщик Приходько был, не из их числа. Повезло и в этот раз.

- Где мы, дядь Саша? - спросил Приходько.

- В Каросте.

- Какая ещё кароста?

- Да не кароста, а Кароста. Военный порт Лиепай. Здесь отбывают заключение военные преступники. Пошли, к следователю, по дороге поговорим.

И Приходько поплёлся.

Выйдя на улицу и оглядевшись, прапорщику поплохело. Всё как в лучших традициях американских фильмов, про "свободную страну с серпом и молотом". Здания из красного кирпича, повсюду колючая проволока, смотровые вышки с пулемётами, лающие овчарки, неусыпные часовые. Приходько почувствовал себя в застенках Лубянки, не хватало только пресловутых чекистов в их кожанках.

- Ё-о-о моё, это что же надо было такое натворить, чтоб попасть в такое место? Ничего не помню. Башка трещит. Дядь Саша, а что мне инкриминируют?

- Дядей Сашей для тебя, Дмитрий Иванович, я буду в не стен этого заведения, сказал Александр Лаускис, а здесь, соблюдай субординацию. Тебе повезло ещё, что твой родной дядя не в курсе - где ты.

Родной дядя прапорщика был известным человеком, в военных кругах.

К нему часто приезжали погостить его армейские друзья, из разных округов, и прапорщик, когда бывал у него, со многими был знаком. Александр Лаускис, был из их числа. Для самого же Лаускаса оставалось загадкой, почему Дмитрий Иванович его называет дядей. Разница в возрасте была незначительная. Всего семь лет. На вид они выглядели примерно одинакового. Лаускис благодаря занятиям в спортзале, казался моложе своих 56 лет, Приходько,

благодаря частым вливаниям, старше. Наверное из-за представительного вида, думал Лаускас, на деле же, это была своеобразная издевка от прапорщика, который считал, что надменная манера держатся, это что-то напускное и ненужное.

- Виноват товарищ майор, извинился Приходько. Так за что я здесь? Я и в самом деле ничего не помню, виновато признался он. Выпал, так сказать, в ментальную плоскость.

Дмитрий Иванович частенько выпадал в эту плоскость. Вот и сейчас он очень плохо ориентировался в системе координат пространственно временного континуума, из за чего кстати и шатался.

В голове образовалась нейтронная сингулярность, своеобразный аналог черной дыры. В неё может что-то попасть, но вот обратно выпасть, уже не может. Как ни старался прапорщик, обойти теорию относительности с её законом гравитации и вытащить на свет хотя бы частично обрывки памяти, все было тщетно. Эйнштейн был неумолим.

- И куда теперь меня?

- Я же сказал, к следователю. Протокол составлять. Попробуем отделаться административкой.

- Ф-у-у, а я уж подумал срок дадут, а почему тогда меня сюда привезли?

- Ты за это меня благодарить должен. Тебя вообще то в психушку определить хотели. Еле отбил тебя у санитаров. Повезло ещё, что фельдшер оказался бывшим нач.медом из нашего лазарета.

Глава 7

Дознание.

Кабинет, куда привели прапорщика, находился в головном здании гарнизонной гауптвахты.

Вопреки ожиданиям, он оказался большим и светлым. Жёлтые стены обрамляли красные флаги с изображением Маркса и Энгельса, в углу стоял живее всех живых, бюст Ленина. Странная обстановка для европейской страны, подумал прапорщик, неужели это всё для того, чтоб с толку сбить. Обвиняемый на какое-то время будет дезориентирован, не сможет собраться с мыслями, а тут ему лампу в лицо и вопросы скороговоркой. Наверно так здесь выбивают признания. На самом же деле всё было куда как прозаичней. Европейские веяния ещё не успели проникнуть во все сферы бывшей союзной республики. И исчезновение пережитков прошлого было лишь вопросом времени.

Следователем оказался молодой человек, с туповатым выражением лица. Прапорщик знал таких, с ними всегда нужно держать ухо в остро. Под маской просточка мог скрываться хищник. Использовалась такая маскировка в основном для усыпления бдительности.

- Ну, товарищ прапорщик, желаю нескучно провести время, сказал Майор Лаускас, подмигнул следователю, и с улыбкой вышел за дверь.

- Зовут меня Дзинтарс Круминыш, представился молодой инквизитор. Начнём составлять протокол?

- Начнём, обречённо сказал Приходько.

- Как мне к вам обращаться?, - вежливо поинтересовался Круминыш.

- Как и положено, осужденный Приходько.

- Так не положено, осужденный - это обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. У нас здесь не суд, а дознание.

- Тогда обвиняемый.

- Так тоже нельзя, обвиняемый - это лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительный акт.

Прапорщик медленно начинал закипать.

- Значит подозреваемый, не без раздражения ответил Приходько.

- И так нельзя, подозреваемым признается лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, а у меня даже протокола дознания нет.

- Ну может вы мне скажете - кто я? Глаза Приходько горели нездоровым блеском.

- Задержанный.

- А сразу нельзя было сказать?

- Нельзя.

- Почему?

- Потому.

- Понятно.

Вот тебе и простачок, подумал прапорщик. Прощупывал меня. Не обмануло значит меня предчувствие.

- Итак, начал Круминыш. Рассказывайте всё по порядку.

- Не помню.

- Не, ну хоть что то должны же помнить?

- Нет, не должен.

- Почему?

- Потому что, забыл.

- Логично. Чаю хотите? - сжалился Дзинтарс.

Пивка бы, - подумал Приходько.

- Не, чай, да.

- Не понял, так будете чай?

- Чай не водка, много не выпьешь.

- Э-э-э, ну в общем я вам налью. Ответил Дзинтарс, достал из портфеля термос, налил крепкого чая и настороженно посмотрел на прапорщика.

- Это оно, сказал Приходько.

К таким ответам Дзинтарс явно не был готов. Вывести меня из себя что-ли хочет?

- Начните с того, что помните, - продолжил он.

Прапорщик отхлебнул. На поверхность из глубин сингулярности давно пытались всплыть обрывки памяти, но что-то их удерживало. Какая-то неведомая сила притяжения.

- Да бес меня попутал. Вдруг выдал Приходько.

- И что мне писать? Во всём виноват бес? Вы хоть что-нибудь помните?

- Альберт его знает.

- Так, что за Альберт, оживился следователь, где живёт, когда и где познакомились, адрес знаете?

- Живёт на кладбище. Познакомились ещё в школе, Энштейн его фамилия,- огорчённо сказал Приходько.

- Твою ж ты мать, сказал следователь, и с силой громко положил ручку на стол. А Пушкин не виноват случаем?

- Причём здесь Пушкин? Он что-ли в голове у меня вакуум создал?

- Товарищ прапорщик, вы взрослый человек, зачем вы дурочку валяете? Еле сдерживался уже следователь. Я между прочем, на вашей стороне. Значит так, будем восстанавливать события по показаниям свидетелей, подытожил Дзинтарс.

Как с усаатым целовались, помните?

- Что-о-о? С кем??? Да вы что себе позволяете? Чтобы прапорщик Российской Армии, с мужиком... Да я бы скорее застрелился, чем...

- Да погодите, вы не то подумали. Как в музее на двухметровый монумент Сталина забрались, помните? Вы ещё кричали с него: отец народов спаси от лесных братьев! А потом обняли его, и расцеловали в усы.

- А, ну вот это могло быть, успокоился прапорщик.

- А как в фонтане купались?

Приходько ещё отхлебнул чая и задумался. По мере погружения в себя его зрачки медленно но уверенно начали расширяться.

- Ё-о-о... Твоюж мать. Только и смог выдавить он.

Дзинтарс Круминыш облегчённо выдохнул.

Глава 8

В плену зелёного змия.

Рука уже не могла расжать бутылку. Она слилась с ней в единый монолит.

Зачем добру проподать, шептал внутренний голос, за неё и деньги заплачены. Да, и в самом деле, согласился Приходько. И отхлебнул ещё треть из бутылки. Сильная штука, хорошо по мозгам бьёт, чего он туда замешал интересно? Сейчас допью, сяду в автобус, а там меня уже и дядька в гробу встречает. Обрадуется, что я приехал. Мы с ним на рыбалку сходим, потом в баню пойдём. Раскрутив выюн кислой бурды, прапор с горла, одним залпом, влил остатки борматухи. Эффект от возлияний не заставил себя долго ждать. В памяти всплыли недавние обиды. Надменный бармен, язвительная кассирша, недобрые взгляды палаточников, дворник - русофоб.

Ядовитая желчь из переполненного сердца попав в кровь с жаром разлилась по телу.

Все как сговорились. Н-е-е-т, такое прощать нельзя, нужно им всем показать, чего стоит задеть честь русского офицера. Так, стоп, какого офицера?, я же прапорщик. Ой, да какая разница, прапорщики, офицеры?, шептал всё тот же голос, ты военный, а они гражданские, и этим всё сказано! Пусть знают своё место. Давление поднималось, злоба росла, прапорщик закипал.

Но вот, наконец подъехал долгожданный автобус.

Сейчас я в него сяду, и уеду, оставив позади всё плохое, успокаивал себя прапор.

Из кабины вылез водитель и направился к Приходько.

Прапорщик стоял, склонив голову вниз и смотрел из подлобья, ожидая новых эксцессов.

- Vai jums ir jāatver bagāžas nodalījums? Vai jūs iesaiņojat savu čemodānu?

- А по русски, что, ни как? Злобно спросил прапор.

Водитель не подался на провокацию, и спокойно повторил на русском:

- Вам открыть багажное отделение? Вы будете убирать вещи?

- Да, буду. Приходько убрал чемодан, но подсумок оставил на себе. Потом повернулся к шофёру и сказал.

- Я в Морэсвилс еду, дядьку хоронить.

- Примите соболезнования.

- По поводу?

- Ну, по утрате близкого человека?

- Ты чё? Так нельзя про живых говорить, он же ещё не умер, хотя похороны скоро, потому что он присмерти. Но про живых так нельзя. Прапорщик чувствовал, что начинает запутываться.

Водитель не стал спорить. В знак согласия он кивнул головой и, тактично отвернувшись, зашагал в сторону кабины.

Приходько занёс ногу на подножку автобуса и уже собирался в него влезть, как вдруг, краем змиинного глаза увидел идущего по площади знакомого дворника! Змий, скрутившись вокруг сердца, с силой зжал его, и, вонзившись острыми зубами, впрыснул в него новую порцию ядовитой желчи.

- А, господин электровеник, прошептал прапор. Ну щас поговорим.

К ничего не подозревавшему работнику чистоты и порядка, с другой стороны площади, нёсся бешеный прапор. За спиной кто-то засигналил, но всё внимание прапорщика было уже приковано к жертве.

- А - а - а, только и смог выдавить Приходько.

- На ловца и зверь бежит, отпарировал дворник.

Прапора парализовало. Такого ответа он явно не ожидал.

- Сразу скажу, не люблю русских, но к военным отношусь лояльно. Я иду в РАР, угостить?

Предложение выпить ослабило хватку змия и вывело прапора из ступора.

- Угости, сказал из подлюбья Приходько.

- Идём.

- Ну идём.

Для Приходьки осталось загадкой, как это дворнику моментально удалось стать хозяином положения? Шли молча. Напряжение росло. Зайдя в бар, дворник сразу направился к столику. Прапор не отставал. Они уселись и к ним тут-же подошёл бармен.

- Доброе утро мистер Хансен, вам как обычно?

- Да. И этому товарищу то же.

- Опять Вы. Сказал бармен. И не дождавшись ответа, сразу направился к стойке.

- Колбасы своей принеси, крикнул ему в след, - злобно Приходько.

Через минуту бармен появился с двумя большими кружками пива, тарелочкой солёных гренков и куском колбасы. Колбасу прапорщик сразу же убрал в подсумок.

Дворник усмехнулся и медленно отпив, тихо поставил кружку. Прапорщик громко отхлебнул, и также громко поставил её. После знакомства с гренками, plombированный зуб снова напомнил о себе. Ну, а змий, впрыснул новую порцию яда.

Когда гнетущее молчание дошло до своего апогея, Приходько заговорил.

- А могу я узнать, господин дворник, начал язвительно прапор, за что ты русских не любишь?

- Мой отец служил в Шведском добровольческом корпусе, участвовал в зимней войне.

- Это, которая, Советско - финляндская?

- Да, она самая. Потом в составе воинов свободы.

- Лесные братья что ли?

- Это вы их так называете. А у нас они, Воины Свободы. Вот ответ мне лучше, Россия - это огромная многонациональная страна, с богатым историческим прошлым, и при этом, у вас неосвоенные территории, целина, вам что, мало своей земли? Что вы вечно лезете везде? Все эти годы мы задыхались от вас, у нас своя культура, своя жизнь. А тут вы, со своей идеологией.

Неплохо для дворника, подумал Приходько, прав был адмирал Колчак, который, заходя с армией в очередной город, вешал объявление: " Артистов, кучеров и проституток не трогать - они одинаково нужны любой власти".

- Успокойся дядя, русскому народу вы и даром не нужны. Нашему руководству стратегически нужна была ваша территория. Но не об этом сейчас. Ты мне лучше ответь, самих русских то, за что не любишь?

- За бескультурие. Вы не умеете ни нормально работать, ни нормально отдыхать. Ленизяи и тунеядцы. От работы отлыниваете, саму же работу делаете не аккуратно, на отвязи. Как

вы там говорите: <<на авось вся Россия держится>>, <<и так сойдёт>>, да? А как наступает время отдыха, так обязательно напиваетесь и начинаете дебоширить. Права качать, морды бить друг другу. Вы не способны быть цивилизованными, потому что не хотите этого. Вот и сейчас, хмыкнул дворник, видел бы ты себя со стороны, сидишь тут, пьёшь со мной пиво, а у самого кулаки чешутся.

Где-то, в глубине души, прапорщик понимал, что дворник прав и не прав одновременно. Русские - это многострадальный народ. Миротлюбивая, добрая и доверчивая нация, веками находящаяся под гнётом своего или чужого правителя.

Но к сожалению, из-за термоядерной смеси сивушной бурды и пива, Приходько трудно было аргументированно и обоснованно встать на защиту своего народа. И вместо полемики, пришлось сделать ход конём.

Прапор допил залпом пиво, громко поставил кружку, встал, и сказал:

- Пристрелить бы тебя дядя, да марасться не хочется. Сталина на вас нет. Не прощаюсь, сказал он, и уже хотел выйти на улицу, как его взгляду попался лежавший на барной стойке штопор с деревянной ручкой. Вспомнилась зубная пломба.

- А вот это вещь полезная, сказал он, и подойдя к стойке с невозмутимым видом на глазах бармена взял штопор и убрал его в подсумок.

- Да вы совсем! ...

- Это компенсация, перебил его Приходько, за принесённые неудобства, и больной зуб. И да, как вы уже догадались, не прощаюсь. Сказав это, он вышел на улицу.

Бармен с дворником многозначительно переглянулись. В их глазах читалось всего два слова: <<безнадёжно потерян>>.

Выйдя из бара и порядком уже захмелев, Приходько увидел толстую женщину средних лет, направлявшуюся в его сторону.

- Эй, тётя, где тут у вас музей?, - спросил он, не смотря женщине в глаза.

- Через два квартала и направо, ответила та, и с неприязнью отвернувшись тут же пошла прочь.

- Я покажу вам бескультурье, непонятно кому ответил прапор, и неровной походкой двинулся в указанном направлении.

Два квартала и куда-то там ещё. Нет, такой марш бросок сейчас мне будет не под силу, заключил Приходько. И остановившись решил осмотреться.

На площади стояли скучающие таксисты, но завидев прапорщика, они почему то отвернулись. Мимо проезжал ещё один.

- Стоять, по стойке - смирно!, - скомандовал Приходько. Таксист рефлекторно остановился. Прапорщик открыл дверь и ввалился в машину.

- Передислокация в район дислокации, выдал он.

Таксист сразу же пожалел, что остановился.

- Куда? Опешил тот.

- Чё тут непонятного, в музей едем, окультуриваться будем.

Через две минуты они остановились у здания музея. Прапорщик вылез из машины, таксист последовал за ним.

- Заплатить не желаете, поинтересовался он?

Конечно желаю, ответил Приходько, и стал рыться в подсумнике.

- Заплачу, сейчас заплачу. Заплачу? А зачем мне плакать? Не понял Приходько. Ты чё мне мозги пудришь, умник?

Таксист уже трижды пожалел, что связался с этим типом.

- За проезд платить будете?

- А, ну да, щас, щас. Прапорщик достал складной нож и нажал на кнопку. Лезвие эффектно отщёлкнулось.

- У тю-тю, сказал прапор и злодейски улыбнулся.

Глаза таксиста округлились. В одной руке Приходько держал зоновскую заточку, в другой, мясистую дубину ливерной колбасы. С этим оружием он двинулся на таксиста.

Таксист попятился назад и с шумом уткнулся в дверь автомобиля.

- Колбасу будешь? Спросил Приходько и ослабившись направил в его сторону нож. Я нарежу.

Так быстро таксист ещё никогда не садился в машину. Дверь не успела захлопнуться, а авто уже с визгом уносилась прочь.

- Дурной какой-то, чего он ламанулся то, колбасы испугался что ли? М-да, ну и народец здесь...

Откусив ливер и убрав его вместе с ножом в подсумок, Приходько направился к дверям музея.

Глава 9

Музей оккупации.

Возле музея стоял большой двухъярусный автобус с немецкими номерами.

- У, бесовы буржуи, процедил сквозь зубы Приходько, понаставят здесь свои... Прапорщик задрал голову вверх.

- Ну и громадина, два этажа в автобусе, ну надо же. Поди ещё и туалет с ванной есть. Поэтому две войны и проиграли, что к комфорту привыкли. Другое непонятно, как мы, будучи победителями, живём в разы хуже, чем побеждённые? Ну да ладно, разберёмся...

Прапорщик подошёл к большой, и по виду тяжёлой двери и резко дёрнул её на себя. Дверь на удивление открылась легко. Силу инерции преодолеть не удалось, и Приходько отлетев на пару метров, с силой ударился спиной о стену. Дверь громко захлопнулась. Та-а-к, процедил сквозь зубы прапор, штурм, значит штурм. На абордаж!, скомандовал он сам себе, и с силой оттолкнувшись от стены, рванул вперёд. Пролетая мимо двери как в замедленном кино, руки Приходько не успели ухватиться за дверную ручку. Ноги предательски заплелись в узел, а голова прапорщика на время полёта превратилась в стенобитное орудие. Посыпалась рыхлая штукатурка. Прапор, как студень, медленно сполз и обмяк.

Эка меня развезло, а? Стоял я как-то пьяный на палубе, во время шторма, ...начал было рассуждать он, но тогда мне было, ...так, стоп, я всё понял, это бармен паскуда, подсыпал мне в пиво какой-то нитрат. Вот падла! Я сразу заподозрил, что он засланный. То есть нет, это же я в тылу врага. Так, погодите, а зачем? А, ну да, чтоб восстановить утраченный приоритет. Интересно, а как же я в одиночку смогу захватить всю Прибалтику? Здесь же повсюду эти, как их там, братья полей, болот и мать его рек, тьфу ты, то есть лесные братья. Время работает на противника. Значит в срочном порядке нужно связаться с высшим командованием, запросить артподготовку, поддержку с воздуха, и помощь морской пехоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.